

Къ вопросу о такъ называемомъ Священномъ Союзѣ.

(Проф. Дебидуръ. Политическая исторія XIX вѣка. Томъ первый. Священный союзъ. Переводъ студентовъ С.-Петербургскаго университета, подъ редакціей прив.-доцента Ал. Пиленка. С.П.Б. 1903).

Одинъ духовный писатель (митрополитъ Филаретъ), говоря о началѣ минувшаго столѣтія, замѣчаетъ, что это начало не было тихимъ утромъ Европы, но ея бурнымъ вечеромъ¹⁾. Дѣйствительно, минувшее столѣтіе началось освѣщаемое заревомъ французской революціи. При зловѣщемъ свѣтѣ этого зари происходить въ Европѣ и тотъ грандіозный переворотъ, виновникомъ котораго былъ Наполеонъ, этотъ человекъ, бывший, по его собственному выраженію, олицетвореніемъ французской революціи. Вмѣстѣ съ полчищами Наполеона, какъ бы прорвавъ сдерживавшую его до толѣ плотину, широко волною хлынулъ по Европѣ и потокъ революціонныхъ идей. Низверженіе Наполеона и разсѣяніе его полчищъ уже не могло остановить этого потока: политическая и общественная жизнь Европы была выбита изъ своей обычной колеи.

Однако, ошеломленная сначала Европа постепенно начала оправляться. Началось противодѣйствіе и этому стихійному революціонному движенію, и по мѣрѣ движенія впе-

¹⁾ См. кн. „Государственное ученіе Митрополита Филарета“. В. Н. Москва. 1885. Стр. 103.



редѣ революціонныхъ идей, росла и крѣпла также и реакція. Если революція была прямымъ порожденіемъ французской философіи XVIII-го вѣка и всецѣло двигалась идеями энциклопедистовъ, то въ противовѣсъ скептицизму и вольномыслию революціонеровъ реакція естественно должна была опираться на инныя начала—начала религіозныя, христіанскія, подѣ-часть, не безъ мистической окраски. Самымъ выдающимся явленіемъ изъ области этой реакціи и было заключеніе монархами Священнаго Союза.

Началомъ союза нужно считать 26 сентября 1815 года, когда три государя, Русскій, Пруссскій и Австрійскій, собравшись въ Парижѣ послѣ вторичнаго низложенія Наполеона, подписали знаменитый актъ, извѣстный въ исторіи подѣ именемъ Священнаго Союза. Проф. Дебидуръ находитъ, что на составленіе этой мистической деклараціи большое вліяніе оказала извѣстная тогда въ Европѣ крайняя поклонница мистицизма и, отчасти, писательница, баронесса Крюденеръ, съ которою въ это время находился въ очень дружественныхъ отношеніяхъ императоръ Александръ. Ей проф. Дебидуръ приписываетъ и самое редактированіе трактата, черновой текстъ котораго былъ составленъ самимъ Александромъ.

Начинается этотъ странный документъ съ благоговѣйной благодарности Провидѣнію за только-что оказанную Имъ милость тремъ союзнымъ государямъ; рѣшивъ отнынѣ положить въ основу своихъ взаимныхъ отношеній высокія истины христіанской религіи, государи объявляютъ затѣмъ, что „предметъ настоящаго акта есть открыть предѣ лицомъ Вселенныя Ихъ непоколебимую рѣшимость какъ въ управленіи ввѣренными Имъ государствами, такъ и въ политическихъ отношеніяхъ ко всѣмъ другимъ правительствамъ, руководствоваться не иными какими-либо правилами, какъ заповѣдями сея святыя вѣры, заповѣдями любви, правды и мира, которыя, отнюдь не ограничиваясь приложеніемъ ихъ един-

ственно къ частной жизни, долженствуютъ, напротивъ того, непосредственно управлять волею царей и водительствова-
ть всѣми ихъ дѣянiями, яко единое средство, утверждающее
человѣческія постановленiя и вознаграждающее ихъ несовер-
шенства“... Вслѣдъ за этимъ изложенiемъ политическихъ
убѣжденiй слѣдуетъ обязательство, принятое на себя тремя
договаривающимися монархами, оставаться связанными „уза-
ми дѣйствительнаго и неразрывнаго братства“, почитать се-
бя „какъ бы единоземцами“, подавать другъ другу „во вся-
комъ случаѣ и во всякомъ мѣстѣ—пособіе, подкрѣпленіе и
помощь, въ отношенiи же къ подданнымъ и войскамъ сво-
имъ, всегда смотрѣть на себя, какъ на отцовъ семейства“,
видѣть въ руководимыхъ ими народахъ только членовъ еди-
ной „христiанской націи“, управлять ими сообразно съ уче-
нiемъ Христа и заботиться о томъ, чтобы и подданные про-
никлись тѣми же стремленiями, что и государи. Въ заклю-
ченіе, учредители Священнаго Союза приглашали формально
присоединиться къ ихъ союзу всѣ тѣ державы, которыя по-
желаютъ признать его начала ¹⁾).

Не была приглашена къ участию въ союзѣ Турція, да
папа, какъ непогрѣшимый глава церкви, отказался отъ уча-
стія. Официально не примкнула къ союзу и Англія, въ ка-
чествѣ конституціонной державы. Впрочемъ, это обстоятель-
ство не помѣшало Англіи ближайшимъ образомъ вмѣши-
ваться въ дѣла Союза, служа немалымъ тормазомъ къ дѣя-
тельности послѣдняго.

Такова исторiя заключенiя этого замѣчательнаго союза
Европейскихъ монарховъ. Союзъ этотъ у современниковъ
получилъ названіе Священнаго, подъ какимъ названiемъ онъ
остается и донинѣ. Но для историка чрезвычайно интересно
выяснить, насколько дѣятельность этого Союза и принципы

¹⁾ Проф. Дебидуръ. Стр. 92—93.

этой дѣятельности могутъ заслуживать названіе Священныхъ.

Глубже вникая въ смыслъ союзной деклараціи и при-
сматриваясь внимательнѣе къ самой дѣятельности союзни-
ковъ, нельзя не замѣтить того, что, кромѣ высокихъ хри-
стіанскихъ, торжественно провозглашаемыхъ и, такъ сказать,
официальныхъ цѣлей, участники Союза, учреждая послѣдній,
побуждались къ тому и другими, хотя и скрытыми, но, по-
жалуй, болѣе сильными мотивами. Именно, заключая Союзъ,
монархи ставятъ своею задачею—совмѣстно охранять свои
троны отъ надвигавшихся бѣдъ революціи—„почитать себя
какъ бы единоземцами“, подавать другъ другу во всякомъ
случаѣ и во всякомъ мѣстѣ пособіе, подкрѣпленіе и помощь“. Вполнѣ справедливо, поэтому, проф. Дебидуръ называетъ Свя-
щенный Союзъ „взаимнымъ страхованиемъ государей про-
тивъ ихъ народовъ, хотя на конгрессѣ объ этомъ собствен-
но и не говорилось¹⁾. Съ неменьшею справедливостію можно
назвать этотъ Союзъ крестовымъ походомъ монарховъ про-
тивъ революціонныхъ принциповъ.

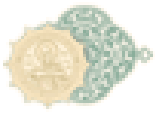
Нельзя, такимъ образомъ, отрицать того, что довольно
могущественнымъ двигателемъ въ дѣятельности союзниковъ
была личная выгода каждого участника, т. е. поддержаніе
троновъ—для государей или существующаго государствен-
наго режима, который обезпечивалъ власть для того или
иного министра—дипломата (таковымъ особенно являлся из-
вѣстный Метернихъ). Но поскольку борьба съ революціей и
поддерживаніе существующаго строя являлась, вмѣстѣ съ
тѣмъ, опорой и защитой идей справедливости, порядка и сво-
боды религіозной (а послѣдняя особенно подверглась гоне-
нію), — дѣятельность Союза дѣйствительно заслуживаетъ
названія Священной. Тѣмъ болѣе, повторяемъ, что офици-
альными принципами дѣятельности выставлялись все же та-

¹⁾ Проф. Дебидуръ. Стр. 125.



ки принципы христіанской вѣры. Къ несчастію съ теченіемъ времени возвышенныя христіанскія идеи начали все болѣе и болѣе отступать на задній планъ и въ дѣятельность союзниковъ болѣе и болѣе стали вторгаться элементы эгоистической дипломатіи. Послѣдняя начала злоупотреблять Союзомъ, пользуясь послѣднимъ въ качествѣ ширмъ для прикрытія своихъ интригъ. Дѣло доходило до того, что, подавляя революціонныя идеи у себя въ государствѣ, члены Союза, какъ это мы увидимъ потомъ, усиленно содѣйствовали развитію таковыхъ въ сосѣднемъ государствѣ, когда это было выгодно въ дипломатическихъ видахъ. Все это наносило значительный ущербъ дѣятельности Священнаго Союза, пока окончательно не свело ее на-нѣтъ. Чтобы сказанное было яснѣе, намъ необходимо хотя бы отчасти ознакомиться съ дѣятельностію Священнаго Союза. Въ этой дѣятельности нагляднѣе выступаетъ скрытая основная идея Союза—борьба съ революціей.

Основные мотивы дипломатіи каждой изъ великихъ державъ того времени выяснились еще на Вѣнскомъ конгрессѣ. Здѣсь ясно обнаружилось, что интересы европейскихъ державъ, хотя бы и прикрываемые тѣми или иными высшими принципами, въ существѣ дѣла должны были остаться непримиримыми. Здѣсь особенно интересно отмѣтить основную задачу политики самого инициатора Союза—императора Александра I-го. Самою желанною, хотя и затаенною, мечтою послѣдняго было уничтоженіе Оттоманской имперіи. А лучшую союзницу въ этомъ предпріятіи Александръ думалъ найти во Франціи. И эта идея руководить царемъ во всей его дѣятельности. Когда Европейскіе монархи думали наложить свою карающую руку на побѣжденную Францію, а дипломаты провозглашали наступленіе „дня возмездія“ для послѣдней (Веллингтонъ), то Александръ является единственнымъ почти, но за то самымъ вліятельнымъ, защитникомъ ея. И онъ не только спасаетъ самостоятельность Франціи въ то время, когда уже начинали поговаривать о лишеніи ея тако-



вой, но и смягчаетъ, насколько возможно, предъявленные державами послѣдней условія (коллективный ультиматумъ державъ отъ 2 октября 1815 года). Въ видахъ ослабленія Оттоманской имперіи Александръ поддерживаетъ даже связи съ революціонными броженіями на Балканскомъ полуостровѣ, находясь въ сношеніяхъ, между прочимъ, съ извѣстнымъ борцомъ противъ турецкаго владычества Сербскимъ Кара-Георгіемъ. Послѣдній цѣлую зиму (1816—17) провелъ въ С.-Петербургѣ, и отсюда поѣхалъ еще разъ призвать свою страну къ оружію¹⁾. Такимъ образомъ, задавшись цѣлю борьбы съ революціей при помощи Священнаго Союза, Александръ въ своихъ видахъ, хотя вопреки себѣ же, долженъ былъ явиться покровителемъ самаго очага революціи—Франціи и завязать сношенія съ эмансипаціоннымъ движеніемъ Балканскихъ вождей противъ своего турецкаго монарха. Этого мало. Желая водворить спокойствіе во Франціи, царь хлопочетъ о томъ, чтобы король французскій (Людовикъ XVIII), во избѣжаніе народнаго недовольства, далъ французамъ конституцію. Такъ что абсолютная вообще политика Александра—члена Священнаго Союза здѣсь принимаетъ характеръ уже конституціонный.

Подобная раздвоенность существовала не только во все царствованіе Александра, но и его преемника Николая I-го. Хотя послѣдній, правда, оставаясь вѣрнымъ завѣтамъ Священнаго Союза, въ свое время не рѣшился оказать явную помощь грекамъ, возмущившимся противъ своего повелителя—стариннаго недруга и русскихъ царей. Правда у Николая были здѣсь и иные виды.

Другія державы, противоудѣствуя усиленію вліянія Россіи во Франціи и на Балканскомъ полуостровѣ, въ восточномъ и французскомъ вопросахъ естественно стараются держаться противоположнаго образа дѣйствія и кажутся, поэтому, болѣе послѣдовательными въ проведеніи идей Священ-

¹⁾ Проф. Дебидуръ. Стр. 104.



наго Союза. Но за то эти державы безжалостно жертвуют помянутыми идеями въ рѣшеніи другихъ вопросовъ, когда послѣднее оказывается для нихъ наиболѣе выгоднымъ. Это сейчасъ намъ очевидно будетъ изъ примѣровъ.

Однимъ изъ первыхъ вопросовъ, рѣшить которые оказалось необходимымъ Союзу, былъ вопросъ относительно испано-американскихъ колоній, которыя еще съ 1810 года находились въ состояніи открытаго возстанія, и метрополія была не въ силахъ безъ чужой помощи вернуть ихъ подъ свою власть. На обязанности Священнаго Союза было, конечно, дать монархіи возможность восторжествовать надъ эмансипаціоннымъ стремленіемъ ея подданныхъ. Но здѣсь Союзу пришлось столкнуться съ политикой Англіи. Последняя давно уже хлопотала о расширеніи своей колоніальной торговли и въ колоніяхъ, освобождавшихся отъ испанскаго вліянія, она находила лучшіе рынки сбыта. Поэтому Англія всѣми силами содѣйствуетъ эмансипаціоннымъ стремленіямъ испано-американскихъ колоній (дѣятельность Кеннинга). Въ этихъ видахъ Англія поддерживала волненія и въ самой метрополіи. Что касается Русскаго императора, то онъ искренне желалъ подавленія испанской революціи и на Веронскомъ конгрессѣ (1822 г.) торжественно заявилъ, что онъ „скорѣе доживетъ въ Веронѣ до сѣдыхъ волосъ, нежели уѣдетъ въ Россію, не давъ Европѣ новаго доказательства своего попеченія и вѣрности своимъ принципамъ“ ¹⁾. Того же хотѣлъ и единомысленный Александру дворъ французскій. Но Австрія и Пруссія, опасавшіяся возраставшаго вліянія Россіи, далеко не такъ горячо сочувствовали Александру; и хотя въ заключеніе монархи провозгласили, что Священный Союзъ, „желая только мира и благоденствія для своихъ народовъ, будетъ неуклонно и повсемѣстно преслѣдовать живыя и мрачныя агитаторскія шайки, возмущающія Европу

¹⁾ Проф. Дебидуръ. Стр. 178.

и Америку¹⁾, однако Испанскому королю не только не было оказано помощи, но даже и содѣйствіе Россіи и Франціи несочувствующими державами было затормажено. Подобная тактика державъ въ концѣ концовъ естественно привела къ полной побѣдѣ въ Америкѣ революціонныхъ началъ. Дѣло кончилось тѣмъ, что въ 1823 году (17 октября) Лондонскій дворъ назначилъ въ главные города Испанской Америки консуловъ и тѣмъ самымъ призналъ ихъ независимость отъ Испаніи. Мексика, Гватемала, Колумбія и Боливія начали постепенно устраиваться самостоятельно. Въ 1825 году на всемъ американскомъ материкѣ во власти испанцевъ находилась лишь незначительная часть Перу; да и оттуда вскорѣ они принуждены были удалиться навсегда.

Борясь противъ революціи и развитія конституціонныхъ идей въ Испаніи, Русскій императоръ ничего не имѣлъ противъ развитія таковыхъ въ мелкихъ Германскихъ владѣніяхъ. Между тѣмъ Австрія и Пруссія въ данномъ случаѣ держались совершенно противоположнаго образа дѣйствій. Эти двѣ державы стремились къ тому, чтобы подъ однимъ владычествомъ (Австріи или Пруссіи) сплотить всѣ Германскія народности, соперничавшія другъ съ другомъ за гегемонію. Особенно въ этомъ направленіи поработалъ австрійскій дипломатъ Меттернихъ. Самостоятельность же мелкихъ владѣтелей и ихъ безконечное разнообразіе въ осуществленіи мѣстныхъ конституціонныхъ учрежденій всего болѣе могли воспрепятствовать помянутому сплоченію. Это прекрасно понималъ Александръ. И вотъ въ 1815 году онъ активно поддерживалъ своего шурина—короля Вюртембергскаго, побудивъ его, вопреки желанію Австріи и Пруссіи, посѣбно

¹⁾ Проф. Дебидуръ. Стр. 191. „Монархи, читаемъ мы въ циркулярѣ конгресса, не сочтутъ оконченнымъ своего дѣла до тѣхъ поръ, пока не вырвутъ у нихъ (мятежниковъ) оружія, которое они могутъ обратить противъ спокойствія народовъ“. Ibid.

обнародовать еще ранѣе обѣщанную подданнымъ конституцію. А въ декабрь 1819 года онъ уже открыто (циркуляромъ Нессельроде) поддержалъ южно-германскія государства въ ихъ оппозиціи австро-прусскимъ планамъ.

Подобнымъ же образомъ, борясь съ общимъ врагомъ—революціей, но не иначе, какъ въ удобное для себя время, въ подходящемъ мѣстѣ и сообразно со своими частными интересами, дѣйствовали Европейскія державы въ рѣшеніи и другихъ дипломатическихъ и политическихъ вопросовъ. Таковы были дѣйствія союзниковъ въ Италіи, Бельгіи, Польскихъ владѣніяхъ и Греціи.

Естественно, что подобная политика Священнаго Союза наносила значительный ущербъ успѣху его дѣятельности и затрудняла борьбу его съ встрѣчающимися препятствіями. А препятствія эти были довольно значительныя. Борясь съ революціей, Союзъ принужденъ былъ бороться, вмѣстѣ съ тѣмъ, съ свободой и національнію—двумя началами, которыми особенно естественно было пробудиться послѣ сверженія Европою Наполеонова ига и вообще послѣ толчка, даннаго этимъ завоевательнымъ гениемъ. Все это дѣлало Союзъ непопулярнымъ среди тогдашнихъ обществъ.

Но, не смотря на это, Союзъ существовалъ почти полвѣка. Еще въ 30-хъ годахъ прошлаго столѣтія монархи, собравшіеся въ Теплицѣ для обсужденія мѣръ къ прекращенію революціоннаго движенія въ Германіи, Бельгіи и Швейцаріи, провозглашали право cadaго государя призвать на помощь Австрію, Пруссію и Россію, или кого-либо другого въ томъ случаѣ, если ему будутъ угрожать внутреннія смуты или внѣшнія опасности; и если какая-нибудь держава станетъ мѣшать такой помощи, то она будетъ объявлена общимъ врагомъ союзниковъ, и послѣдніе примутъ самыя рѣшительныя мѣры къ обузданію такой дерзости¹⁾. Теперь

¹⁾ См. проф. Дебидуръ. Стр. 331.

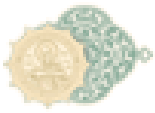


же во имя того же Союза и братской солидарности державъ русскій императоръ Николай, достигшій на Востокъ почти неограниченнаго авторитета, торжественно отрекается отъ всякихъ честолюбивыхъ плановъ относительно Турціи и корыстолюбивыхъ намѣреній увеличить свое могущество на счетъ послѣдней и обѣщаетъ пользоваться выгодами Ункіаръ-Ске-лескаго трактата не безъ нравственнаго посредничества Австріи.

Однимъ словомъ, Священный Союзъ представляетъ выдающееся знаменіе своего времени, въ которомъ идеи христіанской вѣры, провозглашенныя какъ руководяція начала, самымъ тѣснымъ образомъ переплетаются съ эгоистическими интересами чистой дипломатіи. Но не смотря на присутствіе въ немъ послѣднихъ интересовъ, онъ все-таки имѣлъ огромное значеніе, не позволяя этимъ частнымъ интересамъ обнаруживаться во всей силѣ. Здѣсь намъ припоминаются слова одного выдающагося современника дѣятельности Союза. Мы имѣемъ въ виду преосвященнаго Филарета, о которомъ мы уже упоминали. „Неукротимый дотолѣ духъ браней, говорить этотъ мыслитель, связанъ теперь Союзомъ царей и царствъ, для которыхъ не находили дотолѣ болѣе приличнаго закона, какъ законъ своекорыстія и взаимной зависти. Александръ сильнымъ примѣромъ своимъ положилъ въ основаніе законъ безкорыстія и благоволенія, законъ христіанскій. Несогласія народовъ были прекращены или обезсилены, крамолы если не уничтожены, то приведены въ отчаяніе. Дѣла, которыя рѣшались мечъ, уже разрѣшаются совѣтами“¹⁾. Конечно, нельзя не согласиться съ тѣмъ, что о слабыхъ сторонахъ въ дѣятельности Союза здѣсь совсѣмъ умолчано, а хорошія стороны нѣсколько преувеличены; но все же у историка нѣтъ основанія совершенно отрицать послѣднія, и Свя-

¹⁾ Сочиненія. Т. II. Стр. 253—254. Слово при гробѣ Имп. Александра I-го.

щенный Союзъ монарховъ, повторяемъ, въ исторіи имѣлъ огромное значеніе. Союзъ этотъ не былъ пустымъ словомъ;— съ нимъ должна была полвѣка считаться дипломатія всей Европы и въ то, самое безпокойное, время она находила здѣсь болѣе или менѣе надежную гарантію политическаго равновѣсія. Этого мало. Намъ кажется, что значеніе Священнаго Союза, фактически уже давно прекратившаго свое существованіе, окончательно не утратилось и до сихъ поръ. Высшія и благороднѣйшія идеи Священнаго Союза, идеи, правда, не всегда находившія себѣ осуществленіе, хотя и составлявшія все, что было лучшаго въ Священномъ Союзѣ, именно, идеи всенароднаго братства и умирненія міра—эти идеи, намъ кажется, не умерли еще совершенно до настоящаго времени. И носителями этихъ идей продолжаютъ оставаться Россія и ея государи. Несомнѣнно, сказанныя идеи руководили политикой покойнаго Царя-Миротворца—императора Александра III-го, а нынѣ царствующій Императоръ эти идеи торжественно провозгласилъ на Гаагской Мирной Конференціи. И таковою политика Россіи остается до самыхъ послѣднихъ дней. Происходящія на нашихъ глазахъ событія на Балканскомъ полуостровѣ многое напоминаютъ изъ недавняго прошлаго этого полуострова. Теперь, какъ и тогда, турки, неоставляемые совѣтами и наускиваніемъ со стороны своихъ услужливыхъ друзей, позволяютъ себѣ слишкомъ открыто высказывать свою вражду по отношенію къ Россіи (убійство покойнаго консула А. А. Ростковскаго; сообщаемыя по телеграфу другія враждебныя демонстраціи противъ Россіи, напримѣръ, избіеніе итальянскаго подданнаго, служащаго въ русскомъ пароходномъ агентствѣ и бывшаго въ русской фуражкѣ.—См. телеграммы изъ Константинополя отъ 9/22 августа—коресп. бюро—и проч.). Но все это не можетъ заставить Россію измѣнить свое корректное отношеніе къ Турціи и Восточному вопросу, и Россія



не прекращаетъ своего призыва къ народамъ расковать мечи свои на рала.

До самаго послѣдняго времени господствующею политическою теоріею въ Европѣ, какъ извѣстно, является теорія Макиавелли, возводящая въ принципъ отдѣленіе морали отъ политики. Политика же Священнаго Союза и ея позднѣйшіе, только что упомянутые, отголоски и направлены къ тому, чтобы ослабить владычество указанной теоріи. Въ основѣ всѣхъ историческихъ явленій, подобныхъ Священному Союзу и Гаагской Конференціи, лежитъ стремленіе провести въ сферу международнаго права начала морали, провести принципы христіанской любви и справедливости въ сферу, гдѣ единственнымъ принципомъ являются эгоистическія соображенія „государственной мудрости“. Въ этомъ заключается главнѣйшее значеніе помянутыхъ историческихъ явленій, хотя бы указанныя попытки и не всегда находили свое полное осуществленіе.

В Родниковъ.